

ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Газета о профилактике асоциальных зависимостей

Люди боятся холеры,
но вино гораздо
опаснее её.

Оноре де Бальзак,
французский
писатель

№ 10 (451) 1–10 АПРЕЛЬ 2015

ГАЗЕТА ИЗДАЕТСЯ С 2000 ГОДА

WWW.NARKOM.INFO

НОВОСТИ

ХЛОПОНИН ПРИЗНАЛ УТРОЕНИЕ ТЕНЕВОГО ОБОРОТА ВОДКИ В РОССИИ

«По данным Росалкогольрегулирования, разница между объемами производства и продажи водки в 2014 году составила 22,5 процентов, или 14,4 миллиона декалитров. Это еще раз свидетельствует о том, что у нас, к сожалению, идет рост теневого оборота», — заявил Хлопонин.

По его словам, в 2013 году разница между производством и продажей водки составляла только 7,3 процента. Хлопонин отметил, что ответственность за продажу суррогатной водки должна быть резко усилена. «Это не предназначенная

для употребления продукция, а, проще говоря, отрав», — подчеркнул он.

Также Хлопонин сообщил, что правительство России создаст рабочую группу по снижению потребления алкоголя в стране.

По данным Росстата, в январе 2015 года продажи водки и ликероводочных изделий упали на 7,4 процента — до 9,6 миллиона декалитров, а продажи пива выросли на 5,4 процента — до 73 миллионов декалитров.

С 1 февраля Росалкогольрегулирование в связи с экономическим кризисом впервые снизило минимальную розничную цену на водку: вместо 220 рублей она теперь составляет 185 рублей за бутылку.

В ПОДРОСТКОВОМ АЛКОГОЛИЗМЕ ВИНОВАТЫ РОДИТЕЛИ

Дети до 11-ти лет, которым позволяли пригубить алкоголь на взрослых посиделках, скорее всего, начнут злоупотреблять алкоголем в подростковом возрасте.

В течение эксперимента ученые исследовали 561 американского школьника и обнаружили, что те, кто имел доступ к алкоголю в раннем возрасте, в средней школе — от 14 лет — в четыре раза чаще сильно выпивали.

Таким образом, мнение некоторых родителей, что дети должны пробовать алкоголь дома, а не на улице, не работает. 30% 11-летних американских детей про-

буют алкоголь на взрослых вечеринках, где находятся их родители.

Эти дети в 14-летнем возрасте выпивают на 26% чаще, чем те, кто не имел доступа к алкоголю в начальной школе. Кроме того, алкогольная зависимость у таких детей развивалась на 9% чаще, чем у не выпивающих на взрослых праздниках.

Употребление алкоголя в детском возрасте грозит снижением когнитивной функции, повреждением печени, потенциально низким уровнем образования, повышенным риском попасть в опасную ситуацию.

КАДЫРОВ СРАВНИЛ ПРОБЛЕМУ НАРКОМАНИИ С ТЕРРОРИЗМОМ

По мнению главы Республики, употребляющий наркотики человек «может переступить через любые законы и моральные принципы».

Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров считает наркотики сродни оружию террористов. Об этом он заявил, обсуждая вопросы борьбы с наркоманией с руководством правоохранительных органов, местного самоуправления и духовенством региона.

«Тот, кто употребил наркотические или психотропные вещества, не отдаст себе отчет в своих действиях. В его сознании стираются границы между добром и злом, дозволенным и запретным, нравственным и аморальным. Он может переступить через любые законы и моральные принципы, находясь в состоянии наркотического опьянения, или чтобы получить очередную дозу. Поэтому эта проблема таит в себе не меньшую угрозу, чем терроризм», — сказал Рамзан Кадыров.

Глава Республики отметил, что основная задача — это принятие исчерпывающих мер по предотвращению подобных явлений. В данной работе должны быть задействованы власти, общественность, духовенство, а также родители, которые должны следить за своими детьми.

МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ СКУЛЬПТОР ЭРНСТ НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТМЕТИЛ 90-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

Он говорит, вся его жизнь состоит из новелл. Они написаны по самым простым литературным правилам, но с лихо закрученным сюжетом. Воевал, был приговорён к расстрелу, признан убитым и награждён посмертно орденом Красной Звезды. В середине 70-х он был вынужден эмигрировать. Монументальные работы Неизвестного установлены в разных городах по всему миру, его произведения хранятся даже в Ватикане.

Эрнст Неизвестный всегда был заметной, успешной и нетипичной фигурой для советской арт-среды. Равнодушных к его искусству было мало — работы скульптора обсуждали, любили, ругали, о них спорили. Самую громкую — как сегодня бы сказали, пиар-кампанию ему устроил Никита Сергеевич Хрущёв. На знаменитой и скандальной выставке в «Манеже» в 1962 году первый секретарь ЦК КПСС назвал его искусство дегенеративным, возмущался: «Почему скульптор так искажает лица советских людей?» Неизвестный не испугался, вступил в полемику, защищал авангард от нападков вождя. А позже Энди Уорхол сказал: «Хрущёв — средний политик эпохи Эрнста Неизвестного». Бескомпромиссный, отважный Неизвестный. Промолчать — это не в его стиле.

Невероятная энергетика работ Эрнста Неизвестного в полной мере отражает драматизм его собственной судьбы. Ветеран войны, десантник, выпускник института имени Сурикова. Мастер, умело сочетающий символизм с кубизмом. За полвека жизни в СССР он получил всего 5 заказов. В 76-ом из-за травли и гонений был вынужден эмигрировать. Вот уже 38 лет живет в США. При взгляде на скульптуры Эрнста Неизвестного хочется сказать что-то патетичное, имея в виду на самом деле нечто пронзительное. Впрочем, здесь нет противоречия. В них за физической мощью пульсирует внутренняя борьба, мощь лишь подчеркивает трагизм этой борьбы. И в «Великом кентавре», установленном в Женеве около Штаб-квартиры ООН, и в маленькой статуэтке «Орфея», которую вручают на конкурсе ТЭФИ.

Сам Эрнст Иосифович говорит о себе так: «Мой лозунг — «ничего или все». Или я живу так, как хочу, или пусть меня убьют. Не уступать: никому — ничего — никогда! Я столько раз должен был умереть... Я и умираю; в жизни было столько ситуаций, из которых невозможно было выйти живым, я в те ситуации попадал потому, что ни от чего не прятался, — но какая-то сила меня хранила и спасла. Я удивляюсь, что дожил до своих лет».

АКТУАЛЬНО

СКОРАЯ ПАЛЛИАТИВНАЯ ПОМОЩЬ

«Скорая помощь» должна будет использовать морфин при прорывах боли у паллиативных больных. Об этом сказала заместитель министра здравоохранения Татьяна Яковлева на заседании Совета при правительстве РФ по попечительству. Минздрав также собирается потребовать от регионов обеспечить наркотиками аптеки и больницы и выполнять новые, упрощенные правила назначения и выписки рецептов.

Последние изменения в федеральное законодательство несколько упростили многоходовую бюрократизированную систему выписки обезболивающих. Однако, по данным Росздравнадзора, приказ Минздрава о выдаче пациентам при выписке из стационара пятидневного запаса обезболивающих или рецептов на их получение — за пределами МКАД повсеместно нарушается. Объясняется это, в том числе, тем, что рецепты просто негде будет реализовать — к специализированным аптекам, принимающим такие рецепты, прикреплены только поликлиники. А наркотических препаратов не хватает самим больницам. И, как утверждают в Минздраве, виноваты в этом исключительно регионы, старающиеся как можно меньше связываться с наркотиками, их хранением и

транспортировкой. Согласно справке, подготовленной ведомством, «средняя выборка неинвазивных опиоидных анальгетиков за 2014 год составила по некоторым препаратам от 15% до 50% от заявленной потребности» в тех субъектах РФ, где этой проблеме «уделяется внимание». И 2,7% — в «вызывающем особую озабоченность» ведомстве, в частности в Южном Федеральном округе.

Никуда не делся и страх перед наркотиками самих врачей. Несмотря на

то, что сейчас терапевт имеет право единолично выписывать наркотики больному с четвертой стадией рака, проверки Росздравнадзора показали, что в половине случаев врачи предпочитают делать это «комиссионно», то есть, направляя к онкологу. В Минздраве, впрочем, «возложение на службу скорой помощи непрофильной функции» сочли «нерациональным». Как объяснила на заседании Совета Яковлева, нельзя отрывать «скорую» от ее непосредственных обязанностей — спасать людей в экстренных случаях. А с хроническими больными надо «заставить работать паллиативную помощь».

В ответ члены Совета заявили, что паллиативную помощь в России надо сначала создать, и экстренный вызов «скорой» — единственное, на что сегодня можно рассчитывать.

ГОВОРЯТ СПЕЦИАЛИСТЫ

В истории, к сожалению, вряд ли можно с уверенностью обозначить период, в который человечество бы наверняка обходилось без дурмана. Как только тот или иной народ в древности обзаводился своей религией, она тут же преподносила ему соответствующий коктейль – различие между разными первобытными религиями (и, соответственно, назначением дурмящего пойла) заключалось лишь в том, с какой целью выдавалось и принималось угощение.

Шаманы, к примеру, придерживались (в той или иной рецептуре) настоек из галлюцино-

Известный всем цветок мак (точнее сказать, та его разновидность, из которой получают не начинку для пирогов, а опиум) стал причиной многих конфликтов и войн. Все, как в индивидуальной истории болезни, началось с привыкания: мак с большим количеством опиума начали выращивать для курения и поедания на Ближнем и Среднем Востоке, а также в странах Средиземноморья еще шумеры и ассирийцы около 6 тыс. лет тому назад. Значительно позже, около 3 с половиной тысячелетий назад, древние египтяне стали использовать опиум в медицинских целях – против кашля, зубной боли, боли в суставах. Еще позже древнеримский медик Гален (130–

Марко Поло

году вышел первый китайский эдикт, запрещающий употребление опиума, – иными словами, проблему поставили на государственном уровне.

Францией, которых, к тому же, поддерживали США. Само собой, Китай не устоял, и в 1860 году торговцам наркотиками и вовсе развязали руки на территории Поднебесной: их права отныне не ограничивались ничем. В том же XIX веке Европе пришлось расплачиваться за свою самонадеянность: от моды на опиум не удалось оградиться ни морями, как от Китая, ни медицинскими рецептами. Европа, а следом за ней и Америка, сами стали попадать в зависимость от дурмана.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в середине XIX века стало возможно делать инъекции. Кроме того, в 1803 году немецким фармацевтом Сертурнером был выделен морфин. Действие его значительно превосходило эффект от опиума-сырца. Поначалу его активно использовали для раненых солдат, в частности во время гражданской войны в Америке. Но оказалось, что их крайне трудно излечить от последующего самостоятельного употребления – пациенты попадали в зависимость. В США эту зависимость от морфина, который во времена гражданской войны уже вводили подкожно, стали называть «солдатской болезнью».

ИЗ ИСТОРИИ

генных грибов – псилоцибинов, с их помощью они чувствовали полную реальность своих «полетов» в верхние и нижние миры. Древние, впрочем, придумали не только дурман, но и способы одурманивания: они с незапамятных времен следили за тем, чтобы зелье использовалось по рецепту если не врачей, то жрецов и вождей племен. Как известно, различалось два типа священного безумия – светлого, приобщающего к божественному, и темного, деструктивного, несущего хаос и разрушение. А поскольку любой опьяняющий напиток считался даром, ниспосланным высшими силами, каждый, как сказали бы сегодня, сопровождала фирменная легенда – с подробными разъ-

НАРКОТИЧЕСКОГО ДУРМАНА

200 годы н.э.) засвидетельствовал, что опиум помогает почти при всех заболеваниях, в том числе ядовитых укусах, головокружении, эпилепсии, хандре и при всех морах, под которыми древние понимали массовые эпидемии. Во

Шаманы севера

яснениями того, за какие заслуги и при каких обстоятельствах боги вручили его простым смертным. Другую порцию мифов и легенд рождали всевозможные последствия использования дурмящих растений в лечебных целях.

Древние медики и их пациенты далеко не сразу смогли понять, почему оказавшее поначалу помощь средство в результате длительного использования подчиняет себе все мысли и чувства, становится проклятием человека, которому поначалу приносило облегчение. Такое, впрочем, можно сказать не только о людях, но и о государствах.

Древнеримский медик Гален

Немецкий фармацевт Сертурнер

времена, более близкие к нашим, опиум был более всего популярен в мусульманских странах, поскольку Коран более снисходителен к употреблению наркотиков, чем алкоголя. Беспокойным маленьким детям няньки давали сосать опиумный мак в тряпице, чтобы они лучше спали. В XI веке арабские и индийские торговцы познакомили с опиумом Китай. В XIII веке путешествовавший по Индии Марко Поло привез его в Европу. К счастью для человечества, все это время не существовало возможностей вводить опиум в организм путем инъекций. Его курили и ели.

Опиумные курильни первыми придумали китайцы. И в Китае опиум получил настолько широкое распространение, что уже в 1729

Опиумная курильня в Китае

В Европе до XIX века опиум занимал более скромное положение. Однако, по мере колонизации Индии, о нем узнали. Более того,

Потихоньку наркотики добирались и до России. Уже в середине XIX века появились морфинозависимые больные, среди них были сестры

Пётр Ильич Чайковский с семьёй, фото 1848 года

англичане стали завозить его в Китай, несмотря на просьбы и запреты китайского правительства. Так, в 1840 году, после ареста и уничтожения китайским чиновником большого груза опиума, принадлежащего английским торговцам, началась первая опиумная война: она длилась два года и завершилась поражением Китая, доступ опиума в страну стал свободным, а сам он превратился в полуколония. Ситуация повторилась в 1856 году: во второй опиумной войне Китаю и вовсе пришлось иметь дело не только с Англией, но и с

композитора П.И. Чайковского. Наконец, в 1874 году англичанин Олдер Райт получил новое соединение, диацетилморфин, которое тогда оставили без внимания. Но в 1898 году автор аспирина Генрих Дрезер вновь предъявил открытое Райтом вещество миру. Так у нас появился героин. Существуют две версии его названия: лекарство с «героическими» свойствами и лекарство, употребление которого требует героического характера. Но это уже отдельная история.

Надежда Никольская, врач-нарколог

АНОНИМНЫЕ БЕСПЛАТНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ ПСИХОЛОГА, СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА, АДВОКАТА ПО ПРОБЛЕМАМ НАРКОЗАВИСИМОСТИ

+7(499) 2-500-500

ЧИТАТЕЛЮ НА ПОЛКУ

С Анной Карениной читатель впервые встречается в пору ее цветущей красоты, благополучия, по крайней мере внешнего: «...Анна... была жена одного из важнейших лиц в Петербурге и петербургская *grande dame*». Однако «...Анна, ...простая, естественная, изящная и вместе веселая и оживленная»... непохожа была на светскую даму или на мать восьмилетнего сына, но скорее походила бы на двадцатилетнюю девушку по гибкости движений, свежести и установившемуся на ее лице оживлению, выбивавшему то в улыбку, то во взгляд, если бы не серьезное, иногда грустное выражение ее глаз, которое поражало и притягивало к себе. В ней был какой-то другой мир, высший мир недоступных интересов, сложных и поэтически. Ее зовут примирять супругов, она блистает на балах, но очень немногие знают, что не все благополучно в ее собственной семье. Жизнь с нелюбимым мужем, вызывающим противоречивое «... чувство недовольства собой, давнишнее, знакомое чувство, похожее на состояние притворства». «Я дурная женщина, я погибшая женщина, но я не люблю лгать, я не переносю лжи, а его (мужа – ред.) пища – это ложь. Он все знает, все видит; что же он чувствует, если может так спокойно говорить? ...Убей он меня, убей он Вронского, я бы уважала его. Но нет, ему нужны только ложь и приличие». «...Он восемь лет душил мою жизнь, душил все, что было во мне живого, он ни разу не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь. ...Пришло время, я поняла. Что я не виновата, что бог меня сделал такою, что мне нужно любить и жить. И теперь что же?»

По мнению мужа Анны, ее личная жизнь касается только ее самой. Толстой психологически четко описывает сущность Каренина: «...Он, этот умный и тонкий в служебных делах человек, не понимал всего безумия своего отношения к жене. ... потому что ему было слишком страшно понять свое настоящее положение, и он в душе своей закрыл, запер и запечатал тот ящик, в котором у него находились чувства его к семье, то есть к жене и сыну. Он... не только не думал, как развязать положение, но вовсе не хотел знать его, не хотел знать именно потому, что оно было слишком ужасно, слишком неестественно».

Сын, однако, близок ей; она испытывает «физическое наслаждение от ощущения его близости и ласки и нравственное успокоение, от его простодушного ласкового взгляда, наивных вопросов». Нет в семье душевного тепла, и женщина поддается безоглядно вспыхнувшей страсти. – « В душе ее загоралось то самое чувство оживления, когда она в первый раз увидела его. ... Она обманывала себя – это преследование не только не неприятно ей, но оно составляет весь интерес ее жизни».

С этого момента начинается раздвоение Анны, ее нравственные страдания, – по сути своей она порядочный человек и осознает реальное положение вещей: «Я не странная, но я

дурная. Это бывает со мной. Мне все хочется плакать». Она старается отвлечь и занять себя,

усталых глазах. Она не знала иногда, чего она боится, чего желает. Но...она с радостью чувствовала, что

о Вронском Анна Долли. Казалось бы, мечты сбылись, у нее и любимый человек, и ребенок. Но...«положение

«Левин ... увидел новую черту в этой так необыкновенно понравившейся ему женщине. Кроме ума, грации, красоты, в ней была правдивость. Лицо ее...как бы окаменело. С таким выражением на лице она была еще красивее, чем прежде; но это выражение было новое; оно было вне... сияющего счастьем и раздающего счастье круга выражений». «Какая удивительная, милая и жалкая женщина, – думал Левин». «Необыкновенная женщина! Не то что умна, но сердечная удивительно!» Одна и одна мысль неотвязно в разных видах преследует ее: «Отчего же он так холоден ко мне? Он хочет доказать мне, что его любовь ко мне не должна мешать его свободе. Но мне не нужны доказательства, мне нужна любовь...Разве я живу? Я не живу, а ожидаю развязки, которая все оттягивается и оттягивается. Ответа опять нет! ...Я ничего не могу делать, ничего начинать, ничего изменять, я сдерживаю себя, жду, выдумывая себе забавы – писание, чтение, но все это только обман, все это тот же морфин», говорила она, чувствуя, как слезы жалости о себе выступили ей на глаза. «Если бы ты знал, как я близка к несчастью в эти минуты (кажущегося ей охлаждения и враждебного отношения Вронского – ред), как я боюсь, боюсь себя!» Она чувствовала, что рядом с любовью, которая связывала их, установился злой дух какой-то борьбы, которого она не могла изгнать ни из его, ни, еще менее, из своего сердца.

Нарастающая психопатия Анны раздвигает ее союз с Вронским: «Раздражение, разделявшее их, не имело никакой внешней причины, ... это было раздражение внутреннее, имевшее для нее основанием уменьшение его любви, для него – раскаяние в том, что он поставил себя ради нее в тяжелое положение, которое она, вместо того чтобы облегчить, делает еще более тяжелым. Они считали друг друга неправыми и при каждом предлоге старались доказать это друг другу. «Боже мой, опять о любви», – подумал он морщась». Наконец, наступило очевидное охлаждение. «Все самые жестокие слова, которые мог сказать грубый человек, он сказал ей в ее воображении, и она не прощала их ему, как будто он действительно сказал их». И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказывать его и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце злой дух вел с ним, ясно и живо представилась ей. Теперь ей нужно было одно – наказывать его.

Когда она налила себе обычный прием опиума и подумала о том, что стоило только выпить всю склянку, чтобы умереть, ей показалось это так легко и просто, что она опять стала с наслаждением думать о том, как он будет мучиться, раскаиваться и любить ее память, когда уже будет поздно. После второго приема опиума она к утру заснула тяжелым, неполным сном, во время которого не переставала чувствовать себя». Потеря рассудка все ближе...

ПНП

Со школьных лет мы знаем один из самых драматичных романов Льва Толстого «Анна Каренина» — страсть, любовь, охлаждение, самоубийство. Наверняка тогда внимание не задержалось надолго на описаниях переживаний действующих лиц, анализе поведения, тем более — потаенном смысле романа. Между тем, образ героини очень глубок, а история ее гибели построена на вечных сюжетах, не подвластных времени и месту.

СМЯТЕНИЕ ДУШИ

но тщетно: «Анна Аркадьевна...читала и понимала, но ей неприятно было читать, то есть следить за отражением жизни других людей. Ей слишком самой хотелось жить. О чем бы она ни читала – ей хотелось делать это самой. Но делать нечего было, и она усиливалась читать». Она «чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются все туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки, что пальцы на ногах и руках нервно движутся, что внутри что-то давит дыхание и что все образы и звуки в колеблющемся полумраке с необычайной яркостью...поражают ее».

События развиваются по закономерности, описанной в мировой литературе. «... То, что для Анны было невозможной, ужасно, и тем более обворожительной мечтой счастья, – это желание было удовлетворено. ... Ниже опускала она свою когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она вся сгибалась и падала с дивана, на котором сидела, на пол, к его ногам; и она упала бы на ковер, если бы он не держал ее. «Боже мой! Прости меня! – всхлипывая, говорила она, прижимая к своей груди его руки. Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощения; а в жизни теперь, кроме его, у ней никого не было, так что она и к нему обращала свою мольбу о прощении. Она... физически чувствовала свое унижение и не могла ничего больше говорить».

– Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастья...

– Какое счастье! – с отвращением и ужасом сказала она, и ужас невольно сообщил ему. – Ради Бога, ни слова, ни слова больше.

Она не находила мыслей, которыми она сама могла бы с собой обдумать все, что было в ее душе. Спокойствие для мыслей... никогда не наступало; каждый раз, как являлась ей мысль о том, что она сделала, и что с ней будет, и что она должна сделать, на нее находил ужас, и она отгоняла от себя эти мысли.

– После, после, – говорила она, – когда я буду спокойнее».

В глубине души она считала свое положение ложным, нечестным, и всею душой желала изменить его». Она мучается безвыходностью, ей страшно за позор, о котором она прежде и не думала.

... Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страх перед новым, никогда не испытанным ею душевным состоянием. Она чувствовала, что в душе ее начинает двоиться, как двоятся иногда предметы в

Рис. С. Лифатов

в том состоянии, в котором она находилась, у нее есть держава, независимая от положения, в котором она станет к мужу и к Вронскому. Эта держава – был сын». Она не может покинуть сына. У ней есть цель жизни.

По мере развития событий характер и состояние героини меняются, она становится другим человеком и чувствует, что теряет себя:

«...Она в глубине души своей уже чувствовала, что не в силах ничего разорвать, не в силах выйти из этого прежнего положения, как оно ни ложно и бесчестно... Она чувствовала, что положение в свете, которым она пользовалась, дорого ей, что она будет не в силах променять его на позорное положение женщины, бросившей мужа и сына и соединившейся с любовником; что, сколько бы она ни старалась, она не будет сильнее самой себя. Она навсегда останется преступною женой под угрозой ежеминутного обличения. Вронский... «смотрел на нее, как смотрит человек на сорванный им и завядший цветок, в котором он с трудом узнает красоту, за которую он сорвал и погубил его». Другая улыбка – знания чего-то неизвестного ему и тихой грусти. «Я им управляю, как хочу», – говорит

мое слишком ужасно. Я стараюсь вовсе не смотреть. Ты говоришь, что я не думаю об этом, чтобы выйти замуж за Алексея? Я не думаю об этом?! Я не думаю? Нет дня и часа, когда бы я не думала и не упрекала себя за то, что думаю... потому что мысли об этом могут с ума свести. С ума свести, – повторила она. Когда я думаю об этом, то я уже не засыпаю без морфина».

В сюжет вплетается наркотик. (Но не забудем, что в те времена опиум прописывали врачи совершенно свободно в качестве снотворного – ред.)

«Я люблю кажется равно, но обоих больше себя, два существа – Сережу и Алексея (Вронского – ред.). Только эти два существа я люблю, и одно исключает другое. Я не могу их соединить, а мне это одно нужно. А если этого нет, то все равно. Все, все равно. ..Ты не можешь со своей чистотой понять всего того, чем я страдаю. Я.. не стою презрения. Я именно несчастна. Если кто несчастен, так это я».

Идет время. Приверженность к морфину начинает постепенно накладывать отпечаток на внешность и психику Анны; сначала она все же отдает себе отчет в том, что больна. Рассматривая портрет Анны,

ВЫ ХОТИТЕ ПОСОВЕТОВАТЬСЯ СО СПЕЦИАЛИСТАМИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «НАРКОМНЕ ПОКИДАЯ СВОЕЙ КВАРТИРЫ? ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ БЕСПЛАТНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ В РЕЖИМЕ РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ВАМ ДОСТАТОЧНО ИМЕТЬ ВЫХОД В ИНТЕРНЕТ, ПРОГРАММУ SKYPE И НАШ ЛОГИН, КОТОРЫЙ ОБОЗНАЧЕН СЛЕВА.

